

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 140–146. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 140–146. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09"16/17"

EDN QXIXFV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-140-146>

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ ПОРТА В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМЕ XVI–XVII ВВ.

Зими́на Евге́ния Вита́льевна, кандидат экономических наук, доцент, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, e_zimina@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9619-9215>

Аннотация. Расцвет Османской империи, пришедший на период правления султана Сулеймана I (годы жизни с 1494 по 1566 г.), привлекал внимание европейцев не только при жизни султана, но и в течение долгого времени после его смерти. В статье рассматривается причина появления на английской сцене драматических произведений некоторых авторов (Т. Кид, Э. Сеттл, У. Давенант, Р. Бойл, Ф. Гревиль), посвящённых наиболее трагическим моментам этого периода: казни великого визиря Ибрагима-паши и наследника османского трона шехзаде Мустафы. Помимо определённой экзотичности османов в глазах европейцев, причинами популярности подобных пьес стала демонизация османов и провозглашение торжества христианства. Несмотря на своё островное положение, Англия вместе с остальной Европой испытывала страх перед османами, поэтому пьесы приписывают победы султана его вероломному и непредсказуемому характеру, а не военному превосходству османов. Также английские драматурги проводят параллели с событиями английской истории, ставшими поворотными моментами для Англии. При этом большинство авторов не ставят целью достоверно изобразить исторические события или жизнь в султанском дворце. Авторы предполагают, что такие пьесы могли играть двойную роль: наставление правителям и пропагандистский инструмент.

Ключевые слова: английская драматургия XVI–XVIII веков, Османская Империя, демонизация османов, Сулейман I Кануни, великий визирь Ибрагим-паша, шехзаде Мустафа, дихотомия «Восток и Запад».

Для цитирования: Зими́на Е.В. Блистательная Порта в английской драме XVI–XVII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 140–146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-140-146>

Research Article

THE SUBLIME PORTE IN THE 16TH–17TH CENTURY ENGLISH DRAMA

Evgeniia V. Zimina, PhD in Philology, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, e_zimina@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9619-9215>

Abstract. The peak of the Ottoman Empire development, associated with the reign of Sultan Suleiman (1494–1566), attracted Europe's attention not only during the reign, but also long after the sultan's death. The paper looks into the reason for staging plays written by T. Kyd, E. Settle, W. Davenant, R. Boyle, F. Greville and based on the most tragic episodes of the period: the executions of Ibrahim Pasha, the Grand Vizier, and Shehzade Mustafa, the heir to the Ottoman throne. Apart from regarding the Ottoman state as exotic, the playwrights demonised the Ottomans and declared the triumph of Christianity, which added to the popularity of these plays. Being an island, England, nevertheless, feared the Ottomans, that is why the plays explain Ottoman victories by the treacherous and unpredictable character of their sultan rather than by their military skill. The playwrights also draw parallels with certain turning points in the history of England. The majority of these playwrights do not aim to picture historic events or life in the sultan's palace in a realistic way. We believe that such plays played a double role: as warning to contemporary monarchs and as a propaganda tool.

Keywords: 16th–18th century English drama, Ottoman Empire, demonisation of Ottomans, Suleiman I Kanuni, Grand Vizier Ibrahim Pasha, Shehzade Mustafa, East-West dichotomy.

For citation: Zimina E.V. The Sublime Porte in the 16th–17th century English drama. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 140–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-140-146>

Турецкая тема была популярна в европейской драматургии вплоть до XIX в. Например, в шекспировском «Отелло» фоном для основных событий служит турецко-венецианская война, но именно фоном. Однако можно выделить ряд драматических произведений, в которых главными действующими лицами являются собственно турки-османы. Наибольший интерес у европейских драматургов вызывала эпоха правления султана Сулеймана I, и этот интерес сохранялся спустя более сотни лет с его смерти. Султан Сулейман и Блистательная Порта привлекли внимание и английских драматургов: Томаса Кида, Эльканы Сеттла, Уильяма Давенанта, Роджера Бойла, Фульке Гревилля и многих других. Персонажами пьес являются исторические личности, а именно: сам Сулейман, его законная супруга Хюррем Султан, великий визирь Ибрагим-паша (Паргалы), а также старший сын Сулеймана от наложницы Махидевран Султан, шехзаде Мустафа. Мы отобрали для анализа пьесы, посвящённые наиболее драматическим эпизодам правления Сулеймана I, а именно казни великого визиря Ибрагима-паши и казни наследника османского трона шехзаде Мустафы, так как именно в них европейцы видели наиболее пугающие проявления политики османов.

Сорокашестилетнее правление Сулеймана I (с 1520 по 1566 г.) занимает исключительное место в истории Османской империи. Его иногда называют золотым веком османов. При Сулеймане империя увеличила свою территорию и продемонстрировала военную мощь, которая позволила османам считаться одной из ведущих мировых держав того времени. Помимо этого, Сулейман I провёл ряд законодательных реформ, чем и заслужил прозвище «Кануни», то есть «законодатель». Для жителей империи роль Сулеймана как законодателя стала необычайно важной, так как устранение несоответствий между светскими законами и законами шариата закрыло лазейки для коррупции. Также следует отметить, что не всё население страны составляли мусульмане, поэтому к немусульманскому населению шариат не применялся. Следовало найти баланс между шариатом и светскими законами, что было относительно успешно выполнено, благодаря чему Сулейман считался «справедливым султаном». Термины «великолепный» и «блистательный» в отношении Сулеймана и его великого визиря Ибрагима-паши, а также «Великая Порта» или «Блистательная Порта» использовались европейскими послами для описания роскоши и мощи османов.

Дипломатические отношения между османами и англичанами установились позже, чем между османами и венецианцами, а также между османами и государствами, находившимися под влиянием Габсбургов. Однако после смерти Сулеймана I и его преемника, султана Селима II, и с началом установления Женского султаната Елизавета I проявила интерес к Ос-

манской империи как к возможному союзнику против католиков и вступила в переписку с Сафие Султан, наложницей султана Мурада III и матерью султана Мехмета III. Именно при Сафие позиции английской дипломатии в Блистательной Порте существенно укрепились. Приблизительно в это же время появились первые драматургические произведения, центральным персонажем которых стал великий визирь Ибрагим-паша. Это анонимная пьеса на латинском языке *Solymanidea Tragedia* («Трагедия Сулеймана»), написанная в Кембридже в 1581 г., пьеса Томаса Кида *The Tragedy of Soliman and Perseda* («Трагедия Сулеймана и Перседы») (1588), за которыми много позже появилась трагедия *The Siege of Rhodes* («Осада Родоса»), написанная У. Давенантом в 1656 г., и *Ibrahim, the Illustrious Bassa* («Ибрагим, Блистательный паша») (1676), написанная Эльканой Сеттлом спустя почти 140 лет после смерти Ибрагима-паши.

Также позже появились драматические произведения, посвящённые трагической судьбе Мустафы, а именно пьеса Фульке Гревилля *The Tragedy of Mustapha* («Трагедия Мустафы») (1609) и Роджера Бойла *The Tragedy of Mustapha, the son of Soliman the Magnificent* («Трагедия Мустафы, сына Сулеймана Великолепного») (1665).

Мы считаем необходимым дать краткую справку об Ибрагиме-паше, чтобы объяснить значимость его личности не только в Османской Империи, но и в Европе. Ибрагим носил прозвище Паргалы, то есть «человек из Парги», поэтому место его рождения не вызывает сомнений. Однако относительно всего остального существуют серьёзные разногласия. Несмотря на мощный бюрократический аппарат Османской империи, огромный пласт информации о жизни чиновников, гареме и даже падишахах оставался в тайне, а имеющиеся сведения основаны на субъективных впечатлениях европейских послов.

Романтизированная версия жизни Ибрагима включает его попадание на невольничий рынок, где его выкупила богатая вдова из Манисы. Она дала ему образование и научила играть на инструменте, похожем на скрипку. Игру Ибрагима услышал проезжавший Сулейман, который в то время был шехзаде (наследным принцем) и санджак-беем провинции Сарухан. Ибрагим получил должность главного сокольничего во дворце в Манисе, а когда Сулейман стал султаном, получил повышение до хассодабаши, хранителя султанских покоев, а затем, в обход существовавшей иерархии, великого визиря, женился на сестре султана и стал alter ego Сулеймана, что дало ему практически неограниченную власть и в конечном счёте привело к моральному падению, что и послужило причиной казни.

Вторая, более реалистичная версия, утверждает, что Ибрагим попал в столицу по девширме, то есть

в рамках практики изъятия мальчиков 6–8 лет из христианских семей для службы в Османской империи. Закончив дворцовую школу, он получил должность в янычарском корпусе, затем стал хранителем покоев, затем бейлербеем Румелии и только потом – великим визирем. Как и в первой версии, он получил практически неограниченную власть и был казнён за попытки отождествлять себя с султаном.

Практически все историки не согласны с версией женитьбы Ибрагима на сестре султана. Эта версия не имеет под собой никаких оснований, кроме утверждения неких послов о том, что свадьба Ибрагима длилась две недели и была такой пышной, что в народе ходили слухи, будто Ибрагим женится на сестре повелителя. Этой версии придерживался турецкий историк Исмаил Узунчаршылы, который впоследствии от неё отказался [Uzunçarşılı: 544]. Узунчаршылы основывался на работе османского историка Печеве, как отмечает Бабингер [Babinger: 176].

Однако для английских драматургов ключевым фактором был спорный момент о вероисповедании Ибрагима-паши, а вовсе не история его попадания во дворец или личность его жены. Должность великого визиря мог занимать лишь мусульманин, однако любовь паши к европейскому искусству (одним из его прозвищ было Френк, то есть «европеец») служила поводом для слухов о том, что Ибрагим втайне оставался христианином.

До Англии доходили обрывочные сведения о могущественном визире, на основе которых была написана пьеса Киды, а много лет спустя – Эльканы Сеттла.

В пьесе Киды «Трагедия Сулеймана и Перседы» Ибрагим-паша изображён под именем Эрастуса. Пьеса отходит от реальных исторических событий настолько, насколько это возможно. Эрастус – родосский рыцарь, захваченный в плен османами и получивший должность при дворе султана Сулеймана. Перседа, возлюбленная Эрастуса, следует за ним в Константинополь и попадает в плен, после чего её дарят Сулейману. Она рассказывает Сулейману о любви к Эрастусу, и он позволяет им воссоединиться. Влюблённые собираются вернуться на Родос, но один из визирей уговаривает Сулеймана избавиться от Эрастуса. Эрастуса вызывают к Сулейману и казнят. Перседа решает собрать на Родосе ополчение для похода против османов, в ходе которого погибает, но перед смертью дарит султану отравленный поцелуй, после чего султан также погибает.

Героев пьесы Киды нельзя отнести ни к одному типу турков, которые выделяет Гюльтер в текстах английских пьес: турок-экспансионист, турок-абсолютист, жестокий турок и чувственный турок [Gülter: 32–33]. Отношения Сулеймана и Перседы и месть Перседы не показывают характер османов как таковых. «Турецкая тема» раскрывается в пьесе отноше-

ниями между Эрастусом и Сулейманом и представляет собой вариацию дихотомии «Восток и Запад». Если мы можем сомневаться в религиозных убеждениях реального Ибрагима-паши, то с Эрастусом всё очевидно: он – христианин, что неоднократно подчёркивается в пьесе.

«What misery? Speak; for, though you Christians Account our Turkish race but barbarous, Yet have we ears to hear a just complaint...» [Kyd: 27] («Отчего ты печален? Говори; ведь вы, христиане, считаете нас, турок, лишь варварами. Однако наше ухо готово выслушать справедливую жалобу...»)¹.

В противовес бытующему в то время в Европе мнению, что для османов все христиане были врагами, Сулейман демонстрирует Эрастусу справедливость турок к европейцам безотносительно их веры и национальной принадлежности. Кид рассматривает Сулеймана как «законодателя», а не как «великолепного». В тексте пьесы не встречается ни одного эпизода, когда Сулейман настаивал бы на принятии Эрастусом ислама. Султан назначает Эрастуса сначала агоем янычар, а затем и своим главным советником, то есть, по сути, великим визирем.

«Aye, that, or anything thou shalt desire;
Thou shalt be Captain of our Janissaries,
And in our Council shalt thou sit with us,
And be great Soliman's adopted friend...» [Kyd: 29]
(«Да, это, или всё другое, что ты пожелаешь;
Ты будешь капитаном наших янычар,
И вместе с нами будешь ты в Совете,
И другом избранным ты станешь Сулейману»).

Здесь стоит упомянуть, что у Сулеймана, помимо сестёр, было три родных брата и сводный брат Увейс. Родные братья были убиты по приказу султана Селима Явуза, их отца, и, соответственно, отца Сулеймана. Увейс был сыном потерявшей привилегии наложницы, проживал далеко от столицы и не имел никаких намерений претендовать на трон. Возможно, что Увейс и Сулейман никогда не встречались. Сулейману не пришлось исполнять предписания закона Фатиха о престолонаследии, согласно которому взойшедший на престол султан должен был избавиться от братьев во избежание распрей. Таким образом, шехзаде Сулейман воспитывался в женском окружении, и неудивительно, что в Ибрагиме он видел самого близкого к понятию «брат» человека, с которым можно было беседовать на «мужские» темы и планировать будущее империи. Именно в этой роли и представлен Эрастус в пьесе Киды.

Эрастус получает все важные должности, причём должность главного сокольничьего Кид считает одной из главных, так как она означает, что свободное время Сулейман также проводил с Эрастусом. Кид отмечает богатые одежды и украшения Эрастуса. И в действительности Ибрагим носил исключи-

тельно дорогую одежду, причём ему была дарована привилегия носить золотой цвет [Gülter: 30]. До Сулеймана это разрешалось только членам династии. Однако отношение Сулеймана к Эрастусу меняется из-за любви Сулеймана к Перседе, которая не отвечает ему взаимностью. Здесь Кид рисует Сулеймана как крайне переменчивую натуру – он разрешает влюблённым отплыть на Родос, но затем, поддавшись наущениям советника, отзывает Эрастуса с Родоса и казнит его по обвинению в измене. Хотя Кид и отступает от исторической правды, он изображает султана вероломным. Сулейман и в пьесе, и в жизни давал Ибрагиму слово, что тот не будет казнён во время правления Сулеймана. Однако, как указывает, например, Клот [Clote], по совету шейх-уль-ислама Эбусууда эфенди он приказал убить Ибрагима, пока он, Сулейман, спит, так как, с точки зрения шейх-уль-ислама, во сне человек не живёт, а сон считается братом смерти. Несмотря на то, что Кид видит причину казни Эрастуса в ревности к Перседе, а не в моральном падении Ибрагима, он предупреждает зрителя: справедливый турок по собственной прихоти может превратиться в вероломного и жестокого, а также подверженного стороннему влиянию.

Написанная позже пьеса Давенанта «Осада Родоса» является в определённой степени переделкой пьесы Кида. Особенностью «Осады Родоса» является то, что она была написана во время Республики Кромвеля, когда многие театральные постановки были запрещены. Пьеса была поставлена благодаря специальному разрешению, которое было дано потому, что в прошении произведение описывалось как музыкальная декламация. Это позволяет назвать её первой английской оперой. В пьесе черты Ибрагима-паши приписываются то родоскому герцогу Альфонсо, то командующему османским флотом Мустафе-паше. Поскольку главной задачей Давенанта, по мнению Кэмбелла, явилось превращение трагической истории Эрастуса, Сулеймана и Перседы в благополучно заканчивающуюся оптимистичную пьесу (герцог Альфонсо и его супруга благополучно возвращаются на Родос с разрешения Сулеймана) [Campbell: 22], то можно предположить, что в тяжёлые времена Республики Кромвеля Давенант воспользовался сюжетом известной трагедии, но избавился от трагической составляющей и о мыслях от деспотичном правителе, чтобы отвлечь публику от повседневных проблем.

В данном случае «турецкая тема» служит лишь фоном, а фигура Ибрагима расплывается и становится вспомогательным персонажем. Современники Давенанта, например Драйден, не очень лестно отзывались о «пьесе-опере» [Campbell: 22], но она наряду с пьесой Кида оказала существенное влияние на пьесу Эльканы Сеттла «Ибрагим, Блистательный паша».

Сеттл также вдохновлялся французским романом с тем же названием. Роман был переведён на английский язык в 1652 г. и вместе с пьесой Сеттла является свидетельством того, что интерес к Османской империи в Европе снова стал возрастать.

Здесь необходимо дать ещё одну историческую справку. На время написания пьесы Сеттла на троне Османов находился султан Мехмет IV Авджи (Охотник), последний османский султан, при котором империя одержала сколь-либо значимые военные успехи. Однако султан Мехмет IV был продуктом «женского султаната», а его предшественниками на троне были откровенно слабые и даже умственно отсталые или психически неуравновешенные правители. Военные успехи империи достигались гением нескольких военачальников: во-первых, великими визирями династии Кёпрюлю, а во-вторых, ещё одним Ибрагимом-пашой по прозвищу Шайтан. Под командованием Шайтана Ибрагима-паши Османская армия предпринимала походы в Европу, поэтому, как часто бывает в таких случаях, проводились параллели между двумя Ибрагимами, Паргалы и Шайтаном, причём сравнение было явно в пользу первого. Удивительно, что и Шайтан Ибрагим-паша был казнён по приказу султана за ошибки в Эстергомской кампании в 1685 г. Однако на момент написания пьесы Сеттла Шайтан вёл осаду Чигирина, оказавшуюся не слишком успешной. Многие европейские правители надеялись, что это приведёт к казни паши, но после Чигирина Шайтан не потерял расположения султана. Ослабленная османская армия, тем не менее, могла наносить существенный урон Европе, поэтому османов по-прежнему боялись, хотя и отмечали начало упадка, контрастирующего с успехами другого султана и другого визиря.

В отличие от Кида, Сеттл не ставит целью показать справедливость и благородство (пусть и временные) как самого Сулеймана, так и Османского государства. На наш взгляд, Сеттл наиболее близок к историческим фактам, которые касаются появления Ибрагима в Топкапы. Это не красочная версия с Родосом и не сентиментальная история вдовы из Манисы, а вполне правдоподобная версия девширме.

В пьесе Сеттла Ибрагим выступает верным соратником Сулеймана, причём через весь текст проходит мысль о том, что Ибрагим умнее и талантливее повелителя. У Сеттла Ибрагим остаётся искренне верующим христианином, хотя мальчиков, поступивших в Дворцовую школу по девширме, обычно обращали в ислам. Однако Ибрагим покоряется судьбе с истинно мусульманским фатализмом, несмотря на то, что все его мечты рухнули: «my family destroy'd, my hopes undone» [Settle: 9] («...разрушена семья, мечтам конец»).

Сеттл рисует османов жестокими и властолюбивыми. Христианин Ибрагим противопоставляет

ся клятвопреступнику Сулейману, который отплатил своему визирю чёрной неблагодарностью. Сеттл описывает Сулеймана как «false, unkind, ungrateful Solyman» [Settle: 23] («...лживый, злой, неблагодарный Сулейман»). Ибрагим же предстаёт истинным гуманистом эпохи Возрождения в жестоком мире Османов [Vitkus: 213].

В пьесе явно прослеживаются попытки демонизировать как Османскую империю, так и любое восточное государство. Отмечаются такие качества османов, как непомерное высокомерие, страх, который они внушают европейцам, Ибрагим же, наоборот, верен как своим принципам, так и принципам Возрождения.

«But false to th'Christians cause I ne're could prove,
Nor take such Vengeance, though for injur'd Love.
<...> More I could bear, and greater wrongs o'recome,
To be the Champion-Friend of Christendom» [Settle: 9]
(«Я вере христианской изменить не смог бы,
Ни ради мести, и любви ни ради.
<...> Я вынести бы смог гораздо больше,
Чтоб защитить Христово имя»

(приблизительный перевод. – Е. З.)

В пьесе Сеттла есть и романтическая линия. Дочь Сулеймана, Астерия, влюбляется в Ибрагима и помогает ему сбежать с его возлюбленной, Изабеллой. Эта сюжетная линия призвана подчеркнуть моральные достоинства Ибрагима: он верен Изабелле. Ибрагим Сеттла прямо противопоставлен сложившемуся в Османской Империи образу Ибрагима, который высоко поднялся благодаря своим талантам, но поддался алчности и себялюбию [Al-Olaqi 2013: 40]. В Изабеллу, которая также является полностью вымышленным персонажем, влюблён Сулейман, поэтому он называет Ибрагима вором и предателем. «A Traitor! for a mean and base relieve, / Against my dang'rous Love, he stole you hence» [Settle: 43] («Предатель! Ради подлого, низменного спасения, вопреки моей опасной любви он выкрал тебя!»). Изабелла в пьесе Сеттла имеет много общего с Перседой из пьесы Кида. Таким образом, в пьесе Ибрагим представлен жертвой романтических амбиций Сулеймана. Сулейман даже прибегает к магии, чтобы приворожить Изабеллу. Этот эпизод совершенно недостоверен, так как колдовство и ислам несовместимы, но в пьесе применение магии служит доказательством того, что Сулейман готов переступить через свои религиозные убеждения. Ради Изабеллы Сулейман меняет баланс политических и религиозных сил в государстве, чем очень напоминает Генриха VIII Тюдора. В пьесе Сеттл явно критически относится к институту абсолютной монархии, что могло быть вызвано недовольством политикой Стюартов, также тяготевших к абсолютизму [Al-Olaqi 2022: 429].

Также в пьесе разрушается образ Сулеймана как верного супруга. Турецкие историки [Uzunçarşılı:

376] утверждают, что после никаха с Хюррем Сулейман оставался верен только ей. В пьесе жизнь Хюррем разрушена из-за страсти Сулеймана к Изабелле. Эта страсть приводит Сулеймана в состояние, близкое к помешательству (здесь образ Сулеймана явно дополнен образами двух недееспособных султанов эпохи «женского султаната»: Мустафы I и Ибрагима I, которые страдали от душевного расстройства). У зрителей должен был неизбежно возникнуть вопрос: может ли безумец, настолько подверженный влиянию собственных страстей, управлять огромной империей? И если именно этот султан, которого в Европе ассоциировали с понятием Блистательной Порты, так непредсказуем и жесток, что же говорить о его гораздо более слабых потомках? Сеттл стремится показать триумф христианского возмездия – в его времена это было мечтой многих европейцев, ненадолго осуществившейся в эпоху тюльпанов (1718–1730 гг.), когда Империя развернулась в сторону европейской культуры, архитектуры и науки. Сеттл ещё застал эпоху тюльпанов, так что его пьеса в определённой степени оказалась пророческой.

Если Паргалы Ибрагим-паша был у европейцев довольно популярной фигурой, то шехзаде Мустафа практически не попадал в поле их зрения. В основном, вынося суждения о Мустафе, европейцы руководствовались слухами. Известно, что шехзаде Мустафа был крайне популярен среди населения своих санджаков (сначала Манисы, позже – Амасьи), а также среди янычар [Uzunçarşılı: 618]. Мустафа как старший сын султана, доживший до зрелого возраста, являлся очевидным претендентом на османский трон после смерти Сулеймана.

До сих пор историки не нашли однозначного ответа на вопрос, что явилось причиной казни Мустафы. Некоторые полагают, что это произошло из-за подозрительности Сулеймана, которая могла быть унаследована Сулейманом от своего отца и с годами начала возрастать. Возможно, причиной является недоказанное сближение Мустафы с Персией после того, как из Манисы он был отправлен в Амасью. Известно, чем было вызвано это назначение. Сторонники версии о подозрительности Сулеймана полагают, что он хотел отправить сына, пользующегося популярностью янычар, подальше от столицы под влиянием своей супруги Хюррем [Erkoç 2008: 28], другие историки полагают [Uzunçarşılı: 625], что во времена Сулеймана граница с Персией была ближе к Амасье, чем сейчас, и Сулейману нужен был сильный губернатор в приграничных областях. С этой точки зрения назначение Мустафы в Амасью можно рассматривать не как ссылку, а как знак доверия.

Мустафа был казнён в военном лагере Эрегли, куда он прибыл по приказу султана. После этого события в войсках и народе начались волнения, за-

звучали обвинения в адрес как самого султана, так и великого визиря Рустема-паши, поддерживавшего Хюррем Султан и шехзаде Мехмета. Казнь Мустафы явилась неожиданностью как для населения Османской империи, так и для европейцев, полагавших, что на троне вскоре окажется популярный правитель.

Пьеса Гревилья «Трагедия Мустафы» была изначально задумана как произведение для чтения, но позже была переработана для постановки на сцене. Как ни парадоксально, Мустафа вовсе не является центральным персонажем пьесы. По количеству его реплики уступают репликам Сулеймана, а также важному элементу пьесы – хору. Эта пьеса – одна из трёх пьес Гревилья, где в той или иной степени поднимается «турецкая тема» (также пьесы «Монарх» и «Жизнь сэра Филипа Сидни»). Во всех трёх пьесах рассматриваются причины упадка Османской империи. Гревиль не ставил своей целью показать характер Мустафы или изучить мотивы его поведения [Erkoç 2016: 72]. Мустафа служит лишь инструментом, с помощью которого он рассматривает Османское государство. Ахмат, один из героев пьесы, видит проблему в том, что правление абсолютного монарха характеризуется гордыней и пороком.

«... This monarchie first rose by industrie; Honor held vp by vniuersall fame... Worth was not proud: authoritie was wise; And did not on her owne then tyrannize. Now own'd by humour of this dotard king... His will, his end; and Power's right euerywhere: Now, what can this, but dissolution, beare?» [Greville: 30] («... Эта монархия впервые возникла благодаря трудолюбию; честь её поддерживалась всеобщей славой... Достоинство не сопровождалось гордыней: власть была мудрой и не тиранила без причины. Теперь же она зависит от настроения дряхлого правителя... Его воля, его цель и его право власти повсюду: что же это может принести, кроме краха?»).

Гордыня толкает Сулеймана к нарушению закона о престолонаследии, на котором держится успешная передача власти в Империи. Первый хор описывает характер Сулеймана как «disproportioned humours» [Greville: 70] («непомерные амбиции»; отметим также, что слово 'humour' также может значить «нрав», поэтому многозначность лексики помогает описать Сулеймана как неуравновешенного правителя).

Вторую причину упадка Империи Гревиль видит в чрезмерном разрастании государства вследствие применения военной силы. Здесь Гревиль, несомненно, опирается на идеи Ноллеса, который утверждал, что османы нарушают принципы свободного выбора народов, из-за чего им становится трудно удерживать отдалённые территории [Knolles: 103]. Более того, успехи на поле боя приводят к той же самой гордыне и чувству собственной неуязвимости.

Очевидно, Гревиль ставил своей целью продемонстрировать, как амбициозные правители ведут государство к разрушению, поэтому он мало задумывается о том, что Мустафа, если бы он взошёл на престол, не отличался бы от своих предшественников. Пьеса Гревилья была написана в начале проблемного правления Стюартов, тяготеющих к абсолютизму, поэтому можно предположить, что она служит своего рода предупреждением или назиданием правящим кругам. Это косвенно подтверждается и тем, что изначально пьеса предназначалась лишь для чтения.

Пьеса Бойла «Трагедия Мустафы» написана в 1665 г. и показывает соперничество между Сулейманом и Мустафой, которые оба влюблены в венгерскую королеву Изабеллу. Бойл совершенно не стремится приблизить пьесу к историческим событиям. Ни даты, ни отношения между героями не имеют ничего общего с исторической правдой. Основной акцент делается на влюбчивости Сулеймана. Однако в пьесе есть очень важный эпизод, когда зритель понимает, что не только соперничество из-за женщины стало причиной разлада между отцом и сыном.

«And he, even in my Camp, my powir control
I ruling but their bodies, he their souls» [Boyle: 31].

(«И даже здесь, в военном лагере моём,
Я властвую лишь над их телами, он – над их душами»).

Сулейман признаёт, что потерял влияние на армию, которая теперь душой предана Мустафе.

Проанализировав вышеперечисленные пьесы мы, таким образом, приходим к следующим выводам:

1. Эпоха Султана Сулеймана представляла интерес для английских драматургов и во время правления султана, и после неё, когда у власти находились значительно более слабые султаны. Это объясняется тем, что военная угроза Европе, исходящая от османов, была по-прежнему значительной, а дипломатические и деловые отношения устанавливались с большими трудностями. «Демонизация» османов помогает в определённой степени оправдать военные неудачи европейцев.

2. Во всех английских пьесах об Ибрагиме и Мустафе прослеживается определённая мысль: мощь османов была основана на вероломстве, а прихоти правителя вели к уничтожению благородных героев – Ибрагима и Мустафы, хотя следует отметить, что Мустафа показан относительно безлико, и его персонаж служит лишь инструментом для демонстрации непредсказуемости и зависти со стороны отца. При этом правитель в пьесах часто оказывался подверженным влиянию своих советников, их лжи и наветам. Султан мог отойти от принципов шариата в угоду своим страстям. Соответственно, Порты изображались как непредсказуемый институт, всецело зависящий от настроения султана.

3. Авторы пьес вольно или невольно проводили параллели с историей собственной страны, например

с Генрихом Восьмым, который изменил баланс религиозных сил в Англии в угоду своей страсти.

4. Также по возможности показывалось торжество христианства над исламом, что в период религиозных распрей в самой Англии, несомненно, служило призывом к единению всех христиан перед лицом более опасного и вероломного врага. Ибрагим-паша показан как христианский мученик во враждебном мире, и в его лице «цивилизованный» христианский Запад противостоит вероломному Востоку.

5. Образы Сулеймана, Ибрагима и Мустафы в английских пьесах полностью противоположны образам этих персонажей в Османской империи, а затем и в современной Турции.

Примечания

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Список литературы

Источники

Boyle Roger. The Tragedy of Mustapha, the son of Solyman the Magnificent, 1665. URL: https://books.google.ru/books?id=sE5rgmDNGWgC&printsec=frontcover&redir_esc=y&hl=ru#v=onepage&q&f=false

Davenant William. The Siege of Rhodes, 1656. URL: http://www.operalib.eu/zpdf/siegerhodes_bn.pdf

Greville Fulke. The Tragedy of Mustapha, 1609. URL: <https://archive.org/details/tragedyofmustaph00grev>

Kyd Thomas. The Tragedy of Soliman and Perseda, 2008. London, Lulu.com, 104 p.

Settle Elkanah. Ibrahim the illustrious Bassa. A tragedy, 1677. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1641-1700_ibrahim-the-illustrious-settle-elkanah_1677/page/16/mode/2up?q=Traytor

Исследования

Al-Olaqi Fahd M. A Christian hero in the Ottoman Palace. *Trames*, 2022, vol. 26 (76/71), no. 4, pp. 427–441.

Al-Olaqi Fahd M. The Oriental Other: Soliman the Magnificent in Kyd's "Soliman and Perseda". *Trames*, 2013, vol. 17, no. 1, pp. 35–54. <https://doi.org/10.3176/tr.2013.1.02>

Babinger Franz. Osmanlı tarih yazarları ve eserleri. Ankara, Kültür Bakanlığı Yayınları, 1992, 502 p.

Campbell Killis. The Source of Davenant's Albovine. *The Journal of Germanic Philology*, 1902, vol. 4, no. 1, pp. 20–24.

Clot Andre. Suleiman the Magnificent. London, Saqi books, 2012. [Epub Version].

Erkoç Seda. Dealing with Tyranny: Fulke Greville's Mustapha in the Context of His Other Writings and of His View on Anglo-Ottoman Relations. *Osmanlı Araştırmaları*, 2016, no. 47, pp. 265–290. <https://doi.org/10.18589/oa.582985>

Erkoç Seda. Repercussions of a Murder: the Death of Sehzade Mustafa on the Early Modern English stage. Budapest, Central European University, 2008, 93 p.

Gülter Işın Şahin. The Image of Ibrahim Pasha in Early Modern English drama: Thomas Kyd's The Tragedy of Soliman and Perseda. *Gaziantep University Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 29–38. <https://doi.org/10.21547/jss.443926>

Knolles Richard. The Generall Historie of the Turkes, 1603. URL: <https://archive.org/details/dli.ministry.02270>

Uzunçarşılı İsmail. Osmanlı Tarihi II. Cilt: İstanbul'un Fethinden Kanunî Sultan Süleyman'ın Ölümüne Kadar. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 2011, 793 p.

Vitkus Daniel J. Turning Turk: English Theatre and the Multicultural Mediterranean, 1570–1630. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2002, 258 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-05292-6>

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 08.09.2025; принята к публикации 09.09.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 08.09.2025; accepted for publication 09.09.2025.